

А. КРИКОВИЧ*

СТАТУС И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ: РОССИЙСКИЕ УРОКИ¹

Аннотация. Дважды за последние 25 лет действия СССР и России привели к принципиальным изменениям в международных отношениях. Оба раза статус играл решающую роль в качестве катализатора этих исторических изменений. Необходима эволюционная теория изменений в международных отношениях, способная объединить исторические первопричины изменений и их непосредственные причины в одной объяснительной рамке.

И в период окончания холодной войны, и сегодня исторические первопричины изменений ограничили число возможных стратегий для руководства России. Но определяющую роль в окончательном выборе внешнеполитического курса играли соображения, связанные со статусом. Исторические процессы были первопричиной изменений, а связанные со статусом соображения и неудовлетворенность им стали непосредственными причинами последовавших перемен.

Ключевые слова: статус; международные отношения; «новое мышление»; холодная война; изменения международной системы.

Для цитирования: Крикович А. Статус и международные изменения: Российские уроки // Политическая наука. – 2019. – № 3. – С. 175–199. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.07>

* **Крикович Андрей**, PhD, доцент факультета мировой экономики и международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (ВШЭ, Москва, Россия), akrickovic@hse.ru

¹Расширенный и дополненный вариант статьи Krickovic A., Weber Y. What Can Russia Teach Us about Change? Status-Seeking as a Catalyst for Transformation in International Politics // International Studies Review. – 2018. – Vol. 20, Iss. 2. – P. 292–300. DOI: <https://doi.org/10.1093/isr/viy024>. Перевод выполнил К.А. Толлокнев (НИУ ВШЭ, e-mail: cometa50@yandex.ru)

За последнюю четверть века действия СССР и России дважды приводили к глобальным изменениям международного порядка, заранее не предвиденным практически никем и поставившим в тупик представителей всех парадигм теории международных отношений. Решение советского руководства выйти из холодной войны и демонтировать свою зону влияния в Восточной Европе стало одним из самых неожиданных событий XX в. Оно радикально изменило международную систему, резко ослабив степень поляризации международной системы. Действия России на Украине (2014) и в Сирии (2015) также стали неожиданностью для наблюдателей. Конечно, когда все уже произошло, исследователи нашли ранние тревожные признаки будущих перемен¹ [Suslov, 2014]. Эти события, как и когда-то окончание холодной войны, стали отправной точкой для трансформации международной системы, ознаменовав собой конец доминирования США и возвращение конкуренции великих держав, хотя теперь и в совершенно иных условиях. Оба раза исследователи с трудом могли интерпретировать действия России (СССР) и не могли связать произошедшее со своими теоретическими представлениями об изменениях в международных отношениях.

Оба раза статус играл решающую роль в качестве катализатора этих исторических изменений. Причиной поведения России, приведшего к изменениям в международной системе, стала неудовлетворенность своим статусом. Причиной окончания холодной войны во многом были изменения представлений советского политического руководства о природе международных отношений [Checkel, 1993]. Недостаток материальных ресурсов определил форму, которую приняли эти изменения, и сыграл решающую роль в ограничении списка возможных действий для советского руководства, вынудив его перейти к «политике отступления», в итоге окончившего холодную войну и приведшего к распаду советской империи [Brooks, Wohlforth, 2000]. Однако Горбачев и его союзники пошли намного дальше по пути разрядки и отступления, чем предсказывали теории реалистов. Это было вызвано соображениями, связанными со статусом. Предлагая мечту о мире, основанном

¹ Putin V. Speech and the following discussion at the Munich Conference on Security Policy. – 2007. – 10 February. – Mode of access: <http://www.claudiomoffa.it/pdf/putindiscorsoinglesemonaco10febbraio07.pdf> (accessed: 21.05.2019.)

на системе коллективной безопасности, взаимозависимости и гуманизме, они хотели изменить представления о Советском Союзе, превратить его в политического и морального лидера, создать новую идентичность, основанную на мягкой силе. Это позволило бы Советскому Союзу сохранить статусный паритет с США, не обладая сравнимыми экономическими и технологическими возможностями [Larsen, Shevchenko, 2003]. Действия Советского Союза действительно изменили международную систему, но не так, как предполагали сторонники «нового мышления». Вместо того чтобы в обмен на признание падения коммунистических режимов в Восточной Европе стать хранителями миропорядка наравне с США, советское руководство выпустило на волю силы, разрушившие сам Советский Союз.

Неожиданный коллапс Советского Союза создал мир, где спустя два десятилетия Россия снова стала катализатором изменений. Недовольство России своим статусом имеет множество причин [Suslov, 2014]. Основная заключается в том, что она воспринимает себя как проигравшую сторону по итогам холодной войны¹. Находящиеся в упадке великие державы, к числу которых относится постсоветская Россия, особенно чувствительны к вопросу статуса: пока их реальная мощь угасает, они вынужденно держатся за остатки авторитета, чтобы защитить свои интересы. К тому же потеря статуса представляет угрозу для индивидуальной и групповой идентичности жителей угасающей державы, угрожая общности граждан. Россия пыталась восстановить свой статус мирным путем, вначале встроившись в ведомый США мировой порядок, а затем путем наращивания собственных сил и «мягкого балансирования» против США [Tsygankov, 2016]. Но эти стратегии не смогли остановить процесс потери Россией своего статуса, оставив только одну возможность – силовым путем изменить международный порядок, воспринимаемый как несправедливый². Теперь, когда ведомый США миропорядок переживает наиболее сильное испытание в своей истории, а Россия стремится

¹ Внутри России доминирует следующий дискурс: роль России в окончании холодной войны и свержении коммунизма не была в достаточной мере признана и вознаграждена [Tsygankov, 2016].

² Putin V. Speech and the following discussion at the Munich Conference on Security Policy. – 2007. – 10 February. – Mode of access: <http://www.claudiomoffa.it/pdf/putindiscursoinglesemonaco10febbraio07.pdf> (accessed: 21.05.2019.)

изменить его силой, взаимовлияние статуса и изменений в международной системе важно, как никогда.

Большая часть теорий, описывающих трансформации международной системы, фокусируются на влиянии длительных, исторических в своем масштабе социальных и экономических процессов. Однако изменения редко представляют собой плавный и линейный процесс. Воздействия одних глобальных исторических процессов для начала изменений недостаточно, индивидуальные агенты все равно должны сыграть роль катализаторов изменений. Именно роль катализатора досталась России в недавнем прошлом. В обоих рассмотренных в статье случаях глобальные процессы подтолкнули международную систему к изменению, ограничив список возможных действий российского руководства. Но мы считаем, что именно неудовлетворенность России своим статусом определила решения, принятые советскими и российскими лидерами. Следовательно, исторические процессы были первопричиной произошедших изменений, но непосредственной причиной, катализатором произошедшего стала неудовлетворенность России своим статусом. Для того чтобы понять процессы принятия решений в России, нам нужна «эволюционная» теория международных изменений, способная рассмотреть и первопричины, и непосредственные изменения.

Проблема статуса находилась в центре внимания российской академической науки, она же была причиной выбора линии поведения на международной арене с позднесоветского периода до настоящего времени. Мы покажем, что с точки зрения российских государственных деятелей и исследователей, мир становится все более нестабильным и непредсказуемым: на смену американской гегемонии должен прийти мир, где правила международных взаимодействий изменены так, чтобы усилить «Вестфальский» суверенитет государств и сдержать «перегибы» гегемонии США и Запада [Bogaturov, 2011; Лукьянов, 2011; Karaganov, 2016]. Западные наблюдатели в основном пренебрежительно относились к российскому взгляду на мир, демонстрируя тем самым низкий статус России и удовлетворенность Запада существующим балансом сил и списывая его на следствие внутривнутриполитических причин (стремления неудачливого авторитарного режима вести политику «разделяй и властвуй») или заявляя, что российские лидеры живут в «альтернативной реальности», похожей на XIX, а не XXI в.

[Stoner, McFaul, 2015; Lo, 2015]. Не соглашаясь заранее ни с российским, ни с «западным» взглядом, мы считаем, что «российская точка зрения» позволяет понять, как происходят изменения в международной системе, возникают различные точки зрения на происходящее в международной системе и какую роль играет статус в этих процессах.

Исследования изменений в международных отношениях

Три крупные парадигмы теории международных отношений рассматривают различные аспекты процесса изменений в международной системе. Реалисты исследуют непосредственные причины изменений, влияющие на существующий порядок, но не трансформирующие его [Gilpin, 1981]. Либеральные теории также рассматривают процессы, трансформирующие международные системы, особое внимание уделяя их первопричинам – историческим процессам, в течение длительного времени воздействующим на международную систему и радикально изменяющим ее [Holsti, 2016]. Крупные политические, технологические и социальные изменения не только влияют на распределение силы между государствами, но и изменяют процессы взаимодействия государств и сами государства [Buzan, 2014]. Конструктивисты изучают, как происходит сам процесс изменений, но зачастую игнорируют его причины [Wendt, 1999; Finnemore, Sikkink, 2001]. И хотя все три теории многое дали для нашего понимания процесса изменений в международной системе, ни одна из них не смогла стать всесторонней теорией изменений, рассматривающей и первопричины, и непосредственные причины изменений. Поэтому ни одна из них не в состоянии объяснить, почему Россия становилась катализатором изменений и как это происходило.

Классическая работа Роберта Гилпина «Война и изменения в мировой политике» остается ориентиром для исследователей изменений международной системы. Гилпин выделил три типа изменений. Изменения, вызванные перераспределением сил между государствами в системе, изменением силовой или статусной иерархии государств, изменением прав и правил, существующих в системе, приводящие к изменению того, как управляется система, были названы Гилпином «*системными изменениями*» [Gilpin, 1981, p. 42].

«Изменения взаимодействий» происходили, когда внутри существующей системы менялись стандарты поведения государств по отношению друг к другу. В случае «изменения взаимодействий» не обязательно происходит изменение в иерархии государств, но обязательно меняются правила, регулирующие поведение государств, и права государств – участников международной системы [Gilpin, 1981, p. 43]. Эти два типа изменений возможны внутри одной международной системы: они не ведут к радикальной трансформации системы, изменяющей сами ее основы. «Изменения систем» – третий тип изменений, выделенный Гилпином, как раз характеризуется тем, что ведет к фундаментальной трансформации системы. С точки зрения Гилпина, изменения систем происходили при изменении природы базовых единиц, составляющих систему [Ibid., p. 41].

В отличие от либералов и конструктивистов, реалисты скептически относятся к возможностям «изменений систем», считая международную политику бесконечным циклом конкуренции, вызванным влиянием анархии, или «человеческой природы». Для реалистов непосредственные причины изменений – в первую очередь изменения в распределении материальных возможностей – наиболее важные причины изменений внутри международной системы. Либералы видят причины изменений международной системы во влиянии долгосрочных социальных и технологических процессов, изменивших мир за последние несколько столетий. Как и либералы, конструктивисты считают «изменения систем» неотъемлемой частью мира международной политики. Но, в отличие от либералов, воспринимающих «системные изменения» как линейный процесс возникновения нового долгосрочного равновесия, создаваемого на основе либерального мирового порядка и «демократического мира», конструктивисты считают, что процесс изменений систем происходит постоянно... Конструктивисты признают, что и непосредственные причины, и исторические силы воздействуют на процесс изменений. Но силы, влияющие на процесс изменений, не интересуют конструктивистов. Они изучают сам процесс. В целом три основные парадигмы рассматривают процесс изменения в международной системе, но ни одна из них не учитывает одновременно и непосредственные, и долгосрочные (первопричины) причины изменений.

Советский / российский вызов

Недостатки трех парадигм хорошо заметны при рассмотрении позднесоветской внешней политики и современной внешней политики России. Окончание холодной войны стало вызовом для представителей реалистской парадигмы. Советский Союз был в центре внимания исследователей международных отношений, а результаты наблюдения за биполярной системой стали эмпирическим основанием для доминирующей эмпирической парадигмы – структурного реализма [Wohlforth, 2011]. Структурный реализм сосредоточен скорее на анализе статичных состояний, а не процесса изменений; биполярность его сторонники считали наиболее стабильным типом международной системы, с трудом поддающимся каким-либо изменениям. Несмотря на ухудшающееся состояние экономики Советского Союза и явные признаки испытываемого им «имперского перенапряжения», лишь немногие предсказывали, что Советский Союз откажется от ведения холодной войны, или что «Горбачевская революция во внешней политике» примет ту радикальную форму, которую она приняла [Gaddis, 1992]. Вместо того чтобы продолжить считать мировую политику ареной борьбы между капитализмом и социализмом, сторонники «нового мышления» признали важность роста взаимосвязанности и взаимозависимости в современном мире. Эти процессы обходили Советский Союз стороной, и Горбачев понимал размер упускаемой выгоды при продолжении самоизоляции от этих трендов. Заканчивая холодную войну, он стремился найти кооперативный подход к безопасности, позволяющий решить наиболее актуальные проблемы человечества: распространение ядерного оружия, бедность и проблемы окружающей среды [Checkel, 1993]. Горбачев был готов пойти на беспрецедентные уступки перед Западом, включая резкое сокращение численности советских вооруженных сил, вывод войск из Афганистана, отказ от поддержки революций в странах Третьего мира, предоставление странам Восточной Европы возможности выйти из советской зоны влияния и, что самое важное, согласие на объединение Германии на условиях Западной Германии [Sarotte, 2014].

Концентрация реалистов на «*системных изменениях*», а не «*изменениях систем*», и на непосредственных причинах изменений не дает представителям этой парадигмы возможности проана-

лизировать, как долгие исторические процессы влияли на мировую политику [Gaddis, 1992]. Их теории не в состоянии учесть то трансформирующее международную политику воздействие, которое имеют процессы глобализации, рост взаимозависимости и изменение норм и воззрений. Последующие исследования реалистов смогли включить эти факторы в их объяснения причин окончания холодной войны, основанные на роли материальных ограничений [Brooks, Wohlforth, 2000], но им все еще не удается по-настоящему объяснить, почему политика Советского Союза изменилась, и изменилась столь революционно.

Большинство либералов, как и реалистов, не смогли предсказать окончание холодной войны. Это не показатель слабости их теории, а скорее следствие основных направлений исследований, которые фокусировались на изучении процессов внутри западного блока: институционализации отношений между государствами, растущей экономической взаимосвязанности, распространения демократии, – вместо того чтобы смотреть на американо-советские отношения, которые казались застрявшими в предсказуемой схеме биполярного конфликта [Grieco, 2009]. Впоследствии либералы признали, что действием тех же сил, что ранее трансформировали международную политику в Западном блоке, можно объяснить и окончание холодной войны, и «новое мышление», и предсказывать наступление новой эры международной политики, более не характеризующей реалистской борьбой за безопасность [Fukuyama, 1992; Rosenau, 1995].

Конец биполярного движения активизировал программу исследований конструктивистов и способствовал проведению многих продуктивных исследований. Конструктивисты ретроспективно проследили горбачевскую внешнеполитическую революцию до эволюции идей и норм среди советской элиты [Checkel, 1998]. Но они не могли объяснить, почему нормы и идеи изменились в первую очередь, и им не удалось продемонстрировать, что рассматриваемые ими идеологические изменения – это не просто промежуточная переменная между изменением материальных условий и изменениями в российской внешней политике [Brooks, Wohlforth, 2000].

Взгляд на современный вызов со стороны России с точки зрения всех трех парадигм тоже неудачен. Как считают либералы, «три столпа», способные смягчать влияние анархии (международные институты, экономическая взаимосвязанность и демократиче-

ский мир), не сработали: попытки интегрировать Россию в «либеральный порядок» не сдержали (moderate) поведение России, международные институты не смогли удовлетворить российские амбиции [Krickovic, 2016], а демократия и рыночный капитализм не прижились. После короткого «медового месяца» в начале 1990-х поведение России становилось все более самоуверенным, противостоящим глобальному тренду демократизации и распространения капитализма, тренду, тогда казавшемуся непреодолимым. Либералы отказались от «отвлекающих» теорий внешней политики, утверждая, что агрессивное стремление России к статусу великой державы является продуктом ее коррумпированного и авторитарного режима, который должен искать внешние источники легитимности, чтобы компенсировать свои внутренние [Stoner, McFaul, 2015]. Однако эти объяснения терпят неудачу, так как Кремль не столкнулся с той внутренней оппозицией или недовольством общественности, которые потребовали бы таких решительных действий [Tsygankov, 2015].

Некоторые реалисты увидели в вызове, брошенном Россией ведомому США международному порядку, подтверждение их теорий и предсказаний, сделанных еще в конце холодной войны [Mearsheimer, 2014]. Тем не менее российский вызов все равно противоречит их теориям. С точки зрения реалистов, внешнюю политику государств определяют их материальные возможности. У России недостаточно ресурсов, чтобы напрямую мериться силами с США, особенно в течение долгого времени. Однако большой ядерный арсенал позволяет ей чувствовать себя в относительной безопасности, и прямых угроз, требующих такой реакции, нет (что признают и многие реалисты в России, например [Караганов, 2015]). Более настойчивое поведение России вызывает негативную реакцию западных держав, что в долгосрочной перспективе сделает ее более опасной [Kortunov, 2016].

Конструктивисты видят причины возвращения «реальнополитического» мышления и политики «великих держав», мотивировавших Россию бросить вызов США и либеральному порядку, в попытках создать жизнеспособную постсоветскую идентичность [Clunan, 2009; Tsygankov, 2016]. Они считают, что стремление России восстановить свое историческое положение как обладательницы статуса великой державы стало частью постсоветского национального самовосприятия. Это стремление вытеснило про-

чие устремления, например, сделать Россию «нормальным» западным государством, так как отражало прошлый российский опыт и пользовалось широкой поддержкой в российском обществе [Clunan, 2009]. Новая постсоветская идентичность России также отражала глубоко заложенные национальные ценности, такие как уникальная духовность, берущая начало в православии, уважение к сильному государству, основанное на прошлом опыте отражения иностранных вторжений, и поддержку родственных культурных сообществ за рубежом, разделяющих вышеописанные ценности. Запад отказался признать право этих ценностей на существование, особенно на Украине, что отравило отношения России и Запада и вынудило Россию противостоять тому, что воспринималось как агрессия против ее ценностей и интересов [Tsygankov, 2015].

Конструктивистские теории хорошо описывают, какие социальные процессы изменяли представления российских лидеров о природе международных отношений и месте России в международном порядке. Ни одно из вышеописанных конструктивистских объяснений не предлагает объяснительную рамку, способную показать, как произошли изменения восприятий, приведшие и к возникновению «нового мышления», и к современной конфронтации России и Запада. Если мы хотим лучше понять, как Россия действовала в качестве агента изменений в международной политике, мы должны разработать теорию, способную объяснять изменения в российском представлении о внешней политике в более широкие временные периоды.

Что парадигмы не замечают: важность статуса

Вышеописанным подходам к изучению изменений не хватало внимательного анализа важности статуса и роли статуса как непосредственной причины и катализатора изменений. Статус – это коллективное убеждение о положении государства в международной иерархии на основе ряда ценимых признаков, таких как военная мощь, богатство, культурная привлекательность, социополитическая организация следования принципам и ценностям [Status in World Politics... 2014]. Статус важен для государств из практических соображений. Он играет роль «валюты» в международных отношениях: государствам, обладающим статусом, не обя-

зательно использовать наличные средства для достижения собственных целей [Gilpin, 1981]. Статус важен и по менее осязаемым социально-психологическим причинам. Это важный компонент индивидуальной и групповой самооценки [Major Powers... 2011]. Угрозы статусу государства негативно влияют на чувство индивидуальной идентичности граждан. Поэтому индивиды психологически мотивированы бороться за рост статуса своего государства или сохранение текущего. Мы привыкли описывать поведение государств в терминах материальных потребностей населения и «безопасности». По аналогии мы можем приписать стремление государств обрести статус к результату коллективного желания населения иметь высокую самооценку. Лебоу доказывает, что философы со времен Античности описывали стремление улучшить самооценку как фундаментальный мотив человеческого поведения, которым зачастую пренебрегают в современных теориях международных отношений. Он утверждает, что «как стремление к богатству и безопасности наполняет теорию международных отношений, так должно и стремление к улучшению самооценки» [Lebow, 2008, p. 16]. Сохранение или повышение статуса – одна из центральных целей внешней политики государств. Борьба за статус стала причиной как множества военных конфликтов [Pu, Schweller, 2014; Dafoe, Renshon, Huth, 2014], так и кооперативного поведения, например членства в международных институтах [Paul, Shankar, 2014] и глобального активизма [Herz, 2011].

Опираясь на теорию социальной идентичности, исследователи, изучающие статус в международных отношениях, выделили три общие стратегии, используемые государствами для поднятия своего статуса [Larson, Shevchenko, 2003; Major Powers... 2011]. При помощи стратегии *социальной мобильности* государства пытаются подняться по международной статусной иерархии, переняв принципы и ценности государств, находящихся на вершине иерархии. При использовании стратегии *социальной конкуренции* государства участвуют в геополитической и военной конкуренции, стремясь повысить свой статус. Государства, выбравшие стратегию *социальной креативности*, стремятся изменить определяющие статус показатели так, чтобы более важными стали показатели, по которым у них есть преимущество, взамен показателей, по которым преимуществом обладают государства-конкуренты.

Как показали Ларсон и Шевченко [Larson, Shevchenko, 2003] в своей прорывной работе, на решение Горбачева и его товарищей-реформаторов выйти из холодной войны и начать политику «нового мышления» сильно повлияло беспокойство, вызванное снижающимся статусом СССР по сравнению со статусом США и западного мира. В конце 1980-х годов Советский Союз экономически и технологически отставал от Запада, угрожая своей способности сохранять паритет статуса с США. Горбачев был готов пойти на беспрецедентные и революционные меры, чтобы решить эти проблемы [Kokoshin, 1998]. Он и его соратники следовали стратегии *социальной креативности*: они пытались изменить положение Советского Союза в международной статусной иерархии, выдвинув на первый план признаки, по которым он превосходил Запад. «Новое мышление» представляло собой «краткий путь к величию», способ добиться желаемого статуса, не достигнув при этом равного с развитыми индустриальными государствами Запада уровня технологического и экономического развития. Изменив признаки «величия» державы, Советский Союз смог бы обратить вспять свой упадок и подтвердить свой статус великой державы [Larson, Shevchenko, 2003]. «[Горбачев и сторонники “нового мышления”] были уверены, что если советское правительство будет поддерживать их просвещенный внешнеполитический курс, СССР сможет вернуться на позицию “лидера-визионера” в международном сообществе. Как родоначальник и безуданный распространитель идей “нового мышления” СССР встал бы в авангарде движения за создание мирного и процветающего нового мирового порядка» [Herman, 1996].

Горбачев и сторонники «нового мышления» не просто восприняли западные идеи о взаимосвязанности и мирном сосуществовании, как предполагают большинство конструктивистов. Они черпали идеи и с Запада, и из советского марксизма, представляя отдельное от обоих источников вдохновения гуманистическое видение международных отношений. Формулирование этого видения сдвинуло бы сферу конкуренции между СССР и США из военной и экономической сфер (где отставание СССР становилось все более и более заметным) в «грамшианскую» сферу идеологии и взглядов на мир [Kubálková, Cruickshank, 1989]. Советские лидеры верили, что «новое мышление» выиграет битву за умы и сердца аудитории, включая аудиторию в странах Запада. Это укрепило бы моральный авторитет Советского Союза и его притягательность

(современным языком, его «мягкую силу»), тем самым повысив его глобальный статус.

Горбачевская политика «нового мышления» была оригинальным ответом на материальные ограничения и стимулы [Brooks, Wohlforth, 2000]. Быстрое советское экономическое и технологическое отставание от США ограничило возможные советские действия, благоприятствуя политике стратегического отступления. Советское руководство знало об огромных материальных выгодах от участия в глобальной открытой экономике. Оно понимало, что, находясь в состоянии геополитического конфликта с Западом, СССР будет отрезан от этих процессов [Brooks, Wohlforth, 2000]. И хотя материальные ограничения и долгие исторические экономические и социальные изменения могли подтолкнуть к политике отступления и сближения с Западом, эти факторы не объясняют, почему внешняя политика Советского Союза стала именно такой, какой стала [Bennett, 2005]. Исторические процессы определили список альтернатив для Горбачева, но выбор был сделан под воздействием соображений, связанных со статусом, которые парадигмы теории международных отношений не могут уловить. Ларсон и Шевченко добавляют: «Горбачев и его единомышленники выбрали идеалистическое “новое мышление” среди конкурирующих внешнеполитических программ, потому что оно создавало новую глобальную миссию, повышающую международный статус Советского Союза и сохраняющую его особую национальную идентичность» [Larson, Shevchenko, 2003, p. 78].

Соображения, связанные со статусом, сыграли центральную, мотивирующую роль в недавней российской внешней политике, побудив Россию отказаться от интеграции в существующий американский либеральный порядок и бросить вызов глобальному лидерству США. Россия сопротивлялась присоединению к либеральному порядку, потому что это не даст ей статус, который ее руководство и общественность считают заслуженным. В отличие от восходящей державы (такой, как Китай), Россия не обладает растущими материальными возможностями, которые вынудят США относиться к ней как к равной. От признанных либерально-капиталистических государств (Германии, Японии и Великобритании) Россия отстает во множестве сфер (демократия, права человека, свободная рыночная экономика), ценимых членами либерального порядка и дающих статус выше, чем следует из

материальных возможностей и силы этих государств [Neumann, 2014]. В случае присоединения к либеральному порядку России пришлось бы признать подчиненную по отношению к США роль и довольствоваться более низким статусом, чем у признанных либеральных государств. С точки зрения российских властей это неприемлемо [Tsygankov, 2016].

Сопrotивление либеральному порядку и следование стратегии *социальной конкуренции* с евро-атлантическим порядком дает России более высокий статус, чем стратегия *социальной мобильности*, требующая интеграции в существующий порядок. Действия России на Украине подтвердили ее доминирование на постсоветском пространстве и показали, что Россия может заставить Запад нести издержки за игнорирование ее жизненно важных интересов. Вмешательство России в Сирии сделало ее одним из основных игроков в одном из наиболее значимых регионов мира и лидером в борьбе с терроризмом и исламским экстремизмом – важнейшими вызовами современности. Российское вмешательство в выборы в США и Западной Европе показывает, что это сила, с которой нужно считаться и в идеологическом, и в пропагандистском плане. Эти действия не прибавили России популярности на Западе, но заставили считать ее серьезным игроком на международной арене (хотя и как причину для беспокойства, а не как источник стабильности).

Российские лидеры, эксперты по внешней политике и теоретики сформировали собственную точку зрения на изменения в международной политике, отличающуюся от взглядов западных лидеров и исследователей [Lo, 2015]. Как и многие на Западе, они считают, что крупные социальные процессы, вызванные технологическим и экономическим развитием, глубоко трансформируют саму природу международной политики. Западные наблюдатели признают разрушительные эффекты этой трансформации и огромные вызовы, встающие в результате их действия перед международной системой, но видят происходящие изменения в целом позитивно, как ведущие к прогрессу [Burrows, 2012]. По крайней мере до относительно недавнего времени они были уверены, что либеральный международный порядок сможет приспособиться к этим изменениям и продолжит развиваться и эволюционировать [Kkenberry, 2014]. Российские наблюдатели, наоборот, в первую очередь выделяют негативные эффекты происходящих изменений

и в целом пессимистично смотрят в будущее [Безруков, Сушенцов, 2015; Karaganov, 2016; Kortunov, 2016]. Особенно они обеспокоены эрозией силы и авторитета национальных государств, которые они до сих пор считают ключом для сохранения порядка – как внутригосударственного, так и международного [Karaganov, 2016].

Российское руководство, ведущие ученые и эксперты сходятся во мнении, что единственный способ управлять сложным современным миром – перейти к многополярной системе глобального управления [Bogaturov, 2011; Karaganov, 2016]. США могут остаться «первыми среди равных», но станут делиться властью с прочими великими державами. Будет сформирован аналог Венской системы международных отношений, великие державы будут объединять свои ресурсы, чтобы противостоять критическим проблемам глобального управления и держать под контролем разрушительные силы (и нечестивых негосударственных акторов) [Bogaturov, 2011; Караганов, 2015]. Они будут следовать твердому, Вестфальскому пониманию суверенитета и воздержатся от вмешательств во внутренние дела друг друга. Они признают права друг друга контролировать определенные сферы влияния и обязуются разрешать неизбежно возникающие конфликты, учитывая необходимость сохранения общей стабильности системы [Nikonov, 2002]. Многие глобальные проблемы будут урегулироваться на региональном уровне, а великие державы будут возглавлять процессы их решения [Безруков, Сушенцов, 2015]. В этой новой системе Россия будет играть ключевую роль как «балансер» между Китаем и США. Ее военная мощь сделает ее ценным партнером для обеих сторон в борьбе с международным терроризмом и стабилизации наиболее взрывоопасных регионов, таких как Ближний Восток и Центральная Азия [Караганов, 2015].

Критики российского взгляда на глобальный беспорядок и способы его преодоления утверждают, что Россия недооценивает степень диффузии силы между различными акторами в системе [Kortunov, 2016]. Согласно этой точке зрения, наблюдаемые процессы представляют собой не сдвиг от американской однополярности к многополярности, где США будут вынуждены делиться властью с Китаем, Россией и прочими восходящими державами, а сдвиг к тому, что Ричард Хаас [Haas, 2008] назвал бесполярностью, ситуации, когда множество акторов – региональные державы, малые государства, местные и транснациональные негосудар-

ственные акторы – обладают возможностью влиять на отдельные проблемы. В этих обстоятельствах разумнее говорить о «кризисе подчинения», в ходе которого великим державам становится все сложнее устанавливать повестку дня и принуждать к ее соблюдению, чем о «кризисе лидерства», из-за которого никто не готов принять ответственность лидера [Lo, 2015]. «Концерт» великих держав исключил бы множество акторов, усиленных глобальными изменениями, чья поддержка и молчаливое одобрение будут необходимы для решения наиболее насущных глобальных проблем [Ibid.].

Хотя российский анализ перемен претендует на звание «трезвого» реалистского, он часто совершает те же самые ошибки, за которые классические реалисты, такие как Карр и Моргентау, критиковали своих предшественников-идеалистов [Carr, 1946; Morgenthau, 1948]. Он нормативен, показывает мир, который Россия хотела бы создать, а не описывает мир таким, какой он есть. Российский научный анализ часто служит обоснованием для заявляемых целей внешней политики, а не является объективным анализом происходящих процессов [Makarychev, Morozov, 2013]. Как и «новое мышление» позднесоветских исследователей и государственных деятелей, современные взгляды во многом возникли из-за соображений, связанных со статусом. Желаемый российскими лидерами и аналитиками «концерт» великих держав твердо установит положение России как одной из ведущих держав в международной системе – несмотря на снижение возможностей России влиять на происходящее вокруг себя. И то и другое является своего рода «краткими путями к величию», компенсирующими материальную слабость России. «Новое мышление» позволило России сохранить статус, изменив ценимые признаки, дающие статус, от материальных показателей к моральным и нормативным. Сходным образом современные российские наблюдатели представляют стилизованное описание международной политики, преувеличивающее степень хаотизации и нестабильности, с целью содействовать распространению представления о глобальном порядке, продвигающее стремление России к обретению статуса и обосновывающее, почему статус России должен быть высоким – как у одного из столпов международной стабильности.

Стремление обрести статус – мощный мотиватор человеческого поведения и центральная цель внешней политики государств. В обоих описанных случаях исторические процессы созда-

ли возможности и ограничения для советских и российских государственных деятелей. Но именно соображения, связанные со статусом, сформировали ответ на них. Горбачев и его соратники следовали «новому мышлению», потому что оно позволяло ответить на материальные ограничения, сохраняя статус сверхдержавы, но на основе «мягкой силы». Современные российские лидеры воспользовались ростом глобальной нестабильности и последовали стратегии *социальной конкуренции*, бросив вызов США. Статус не только повлиял на выбор внешнеполитического курса, но и оказал глубокое влияние на интерпретацию происходящих исторических процессов. Сторонники «нового мышления» поверили, что рост сложности международной политики требовал кооперации и продвижения универсальных человеческих ценностей, так как такой внешнеполитический курс позволил бы Советскому Союзу обрести позицию морального превосходства и сохранить международный статус. Современные российские лидеры интерпретировали рост непредсказуемости и нестабильности международной политики как сигнал того, что назрел переход к многополярному порядку, который (удобным образом) поддержит статус России как глобального центра силы и влияния. Соображения, связанные со статусом, привели политиков к выбору рискованной и непредсказуемой внешней политики, ставшей катализатором более широких трансформирующих изменений в международной политике. Горбачев и сторонники «нового мышления» пошли на беспрецедентные уступки, демонтировавшие советскую империю и окончившие холодную войну. Современные российские лидеры предпринимают рискованную политику, бросая вызов глобальному лидерству США, сигнализируя об окончании периода доминирования США после холодной войны и начале эры беспрецедентного глобального беспорядка.

Выводы

Дважды за последние 25 лет действия России становились катализатором трансформационных изменений в международной политике. Однако существующие парадигмы с трудом могут объяснить причины такого поведения или интегрировать его в свои рамки, используемые для анализа изменений. Отчасти это

связано с тем, что они игнорируют важную роль соображений, связанных со статусом как мотивирующего поведение государств фактора и непосредственную причину изменений систем. Это также отражает и большие недостатки подходов парадигм к проблеме изменений. Реалисты, негативно относящиеся к возможности «*изменений систем*» и в основном анализирующие циклические «*системные изменения*», не уделяли достаточного внимания действию долгих исторических процессов и тому, как они влияют не только на баланс сил, но и на природу и функционирование самих акторов. Либералы намного больше внимания уделяли «*изменению систем*», но часто применяли линейный и прогрессивный подход к изменениям, рассматривая революционное действие исторических факторов (первопричин) изменений, но не непосредственные причины изменений. Конструктивистов интересовал сам процесс изменений, а не поиск их причин. Когда они пытались объяснить причины изменений, возникали трудности с отделением ideational (факторов «убеждений») от материальных факторов. Необходимо появление более сложного подхода к изучению изменений, включающего в себя и рассмотрение действия долгих исторических процессов (первопричин), создающих необходимые для начала изменений условия, и непосредственных причин, дающих начало процессу изменений.

Изменения – беспорядочный и неопределенный процесс, не обязательно прогрессивный или линейный. Быть может, его лучше концептуализировать как эволюционный, а не революционный или циклический процесс [God gave physics... 2000]. Эволюционная биология объединяет теорию естественного отбора с изучением случайных событий, таких как мутации и изменения окружающей среды. Эволюция биологических видов происходит по предсказуемой логике, несмотря на то что результат во многом определяется действием случайных событий. Если бы история обратилась вспять, а потом повторилась по новой, результат оказалась бы совершенно иным [Gould, 1989]. Сходным образом эволюционный подход к изучению изменений в международной политике признает и роль долгосрочных процессов (таких как следствие анархии или растущее значение экономической взаимосвязанности государств), и ключевую роль случайных и непредсказуемых явлений, провоцирующих изменения. Как показывают рассмотренные в данной работе примеры, действия государств, мотивированные

соображениями, связанными со статусом, также должны быть включены как непосредственные причины изменений.

Мы вступаем в период истории, когда крупные исторические процессы, подталкивающие к трансформационным изменениям, усиливаются, а случайные события, способные стать катализатором изменений, происходят все быстрее. В этих условиях улучшение нашего понимания статуса имеет невероятное значение для определения контуров и возможностей будущих изменений. Стремление обрести статус может подвигнуть государства выбрать внешнеполитический курс, благоприятствующий кооперации и завершающий конфликты, как это сделал Советский Союз в конце холодной войны. Или оно может привести к выбору внешнеполитического курса, провоцирующего конфликты и повышающего нестабильность, как произошло с Россией сегодня. Лучшее понимание проблемы статуса не позволит нам решить все проблемы в понимании процесса изменений, но это хороший первый шаг.

Список литературы

- Безруков А., Сушенцов А.* Контурсы тревожного будущего // Россия в глобальной политике. – 2015. – 24 August. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/number/kontury-trevozhnogo-buduschego-17635> (Дата посещения: 25.05.2019.)
- Караганов С.* Венский концерт XXI века // Российская газета. – 2015. – 3 июня. – Режим доступа: <https://rg.ru/2015/06/03/karaganov.html> (Дата посещения: 23.05.2019.)
- Лукьянов Ф.* Безрассудный Запад // РИА Новости. – 2011. – 21 июля.
- Bennett A.* The Guns That Didn't Smoke: Ideas and the Soviet Non-Use of Force in 1989 // *Journal of Cold War Studies*. – 2005. – Vol. 7, N 2. – P. 81–109.
- Bogaturov A.* «Coercion to Partnership» and the Flaws of an Unbalanced World // *Russia in Global Affairs*. – 2011. – 29 December. – Mode of access: <https://eng.globalaffairs.ru/number/Coercion-to-Partnership-and-the-Flaws-of-an-Unbalanced-World-15423> (accessed: 25.05.2019.)
- Brooks S.G., Wohlforth W.C.* Power, Globalization, and the End of the Cold War: Reevaluating a Landmark Case for Ideas // *International Security*. – 2000. – Vol. 25, N 3. – P. 5–53.
- Burrows M.* *Global Trends 2030: Alternative Worlds*. – Washington, D.C.: US National Intelligence Council, 2012. – 166 p.
- Vuzan B.* Brilliant but now wrong: a sociological and historical sociological assessment of Gilpin's «War and Change in World Politics» // *Power, Order, and Change in World Politics* / Ed. by G.J. Ikenberry. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – P. 233–262.

- Carr E.H.* The twenty years' crisis, 1919–1939: an introduction to the study of international relations. – L.: MacMillan, 1946. – 247 p.
- Checkel J.* Ideas, institutions, and the Gorbachev foreign policy revolution // *World Politics*. – 1993. – Vol. 45, N 02. – P. 271–300.
- Checkel J.T.* The constructive turn in international relations theory // *World politics*. – 1998. – Vol. 50, N 02. – P. 324–348.
- Clunan A.* The Social Construction of Russia's Resurgence. – Baltimore: John Hopkins University Press, 2009. – 317 p.
- Dafoe A., Renshon J., Huth P.* Reputation and status as motives for war // *Annual Review of Political Science*. – 2014. – N 17. – P. 371–393.
- Finnemore M., Sikkink K.* Taking stock: The constructivist research program in international relations and comparative politics // *Annual review of political science*. – 2001. – Vol. 4, N 1. – P. 391–416.
- Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. – New York: Free Press, 1992, 464 p.
- Gaddis J.L.* International relations theory and the end of the Cold War // *International Security*. – 1992. – Vol. 17, N 3. – P. 5–58.
- Gilpin R.* War and Change in World Politics. – New York: Cambridge University Press, 1981. – 288 p.
- God gave physics the easy problems: adapting social science to an unpredictable world / S. Bernstein, R.N. Lebow, J.G. Stein, S. Weber // *European Journal of International Relations*. – 2000. – Vol. 6, N 1. – P. 43–76.
- Gould S.J.* Wonderful life: the Burgess Shale and the nature of history. – New York: WW Norton, 1989. – 352 p.
- Grieco J.M.* Liberal international theory and imagining the end of the Cold War // *The British Journal of Politics & International Relations*. – L., 2009. – Vol. 11, N 2. – P. 192–204.
- Haas R.N.* The age of nonpolarity: What will follow US dominance // *Foreign Affairs*. – 2008. – Vol. 87, N 3. – P. 44–56.
- Herman R.G.* Identity, Norms, and National Security: The Soviet Foreign Policy Revolution and the End of the Cold War // *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics* / Ed. by Peter J. Katzenstein. – New York: Columbia University Press, 1996. – P. 271–316.
- Herz M.* Brazil: Major Power in the Making? Major Powers and the Quest for Status in International Politics. – New York: Palgrave Macmillan US, 2011. – 242 p.
- Holsti K.* The Problem of Change in International Relations Theory // Holsti K. A Pioneer in International Relations Theory. – New York: Springer International Publishing, 2016. – P. 37–55.
- Ikenberry G.J.* The illusion of geopolitics: The enduring power of the liberal order // *Foreign Affairs*. – 2014. – Vol. 93, N 80. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2014-04-17/illusion-geopolitics> (accessed: 25.05.2019.)
- Karaganov S.* Global Challenges and Russia's Foreign Policy // *Strategic Analysis*. – 2016. – Vol. 40, N 6. – P. 461–473.
- Kokoshin A.* Soviet Strategic Thought, 1917–1991. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1998. – 225 p.

- Kortunov A.* The Splendours and Miseries of Geopolitics // Russia in Global Affairs. – 2016. – 16 January. – Mode of access: <https://eng.globalaffairs.ru/book/The-Splendours-and-Miseries-of-Geopolitics-17258> (accessed: 25.05.2019.)
- Krickovic A.* When ties do not bind: the failure of institutional binding in NATO Russia relations // Contemporary Security Policy. – 2016. – Vol. 37, N 2. – P. 175–199.
- Kubálková V., Cruickshank A.A.* Thinking New About Soviet «New Thinking». – Berkeley: University of California Press, 1989. – 143 p.
- Larson D.W., Shevchenko A.* Shortcut to greatness: The new thinking and the revolution in Soviet foreign policy // International Organization. – 2003. – Vol. 57, N 01. – P. 77–109.
- Lebow R.N.* A cultural theory of international relations. – L.: Cambridge University Press, 2008. – 776 p.
- Lo B.* Russia and the New World Disorder. – Washington, DC: Brookings, 2015. – 336 p.
- Major Powers and the Quest for Status in International Politics: Global and Regional Perspectives / Ed. by T. Volgy, R. Corbetta, K.A. Grant, R.G. Baird. – New York: Palgrave MacMillan, 2011. – 242 p.
- Makarychev A., Morozov V.* Is «Non-Western Theory» Possible? The Idea of Multipolarity and the Trap of Epistemological Relativism in Russian IR // International Studies Review. – 2013. – Vol. 15, N 3. – P. 328–350.
- Mearsheimer J.J.* Why the Ukraine crisis is the West's fault: the liberal delusions that provoked Putin // Foreign Affairs. – 2014. – Vol. 93. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-08-18/why-ukraine-crisis-west-s-fault> (accessed: 25.05.2019.)
- Morgenthau H.J.* Politics Among Nations. – New York: Alfred A. Knopf, 1948. – 489 p.
- Neumann I.B.* Status Is Cultural: Durkheimian Poles and Weberian Russians Seek Great-Power Status // Status in World Politics / Ed. by T.V. Paul, D. Larson, W. Wohlforth. – L.: Cambridge University Press, 2014. – P. 85–114.
- Nikonov V.* Back to the Concert // Russia in Global Affairs. – 2002. – 16 November. – Mode of access: https://eng.globalaffairs.ru/number/n_12 (accessed: 25.05.2019.)
- Paul T.V., Shankar M.* Status accommodation through institutional means: India's rise and the global order // Status in World Politics. – 2014. – P. 165–191.
- Pu X., Schweller R.L.* Status signaling, multiple audiences, and China's blue-water naval ambition // Status in world Politics. – Oxford: Cambridge University Press, 2014. – P. 141–162.
- Renshon J.* Status Deficits and War // International Organization. – 2016. – Vol. 70, N 3. – P. 513–550.
- Rosenau J.N.* Security in a turbulent world // Current History. – 1995. – N 94 (592). – P. 193–200.
- Sarotte M.E.* 1989: the struggle to create post-Cold War Europe. – Princeton: Princeton University Press, 2014. – 344 p.
- Status in World Politics / Ed. by T.V. Paul, D. Larson, W. Wohlforth. – L.: Cambridge University Press, 2014. – P. 85–114.
- Stoner K., McFaul M.* Who Lost Russia (This Time)? Vladimir Putin // The Washington Quarterly. – 2015. – Vol. 38, N 2. – P. 167–187.

- Suslov D.* For a Good Long While // *Russia in Global Affairs*. – 2014. – 18 December. – Mode of access: <https://eng.globalaffairs.ru/number/For-a-Good-Long-While-17211> (accessed: 25.05.2019.)
- Tsygankov A.* Russia's Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity. – Plymouth, UK: Rowman & Littlefield, 2016. – 336 p.
- Tsygankov A.P.* Vladimir Putin's last stand: the sources of Russia's Ukraine policy // *Post-Soviet Affairs*. – 2015. – Vol. 31, N 4. – P. 279–303.
- Wendt A.* Social theory of international politics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 429 p.
- Wohlforth W.* Gilpinian realism and international relations // *International Relations*. – 2011. – Vol. 25, N 4. – P. 499–511.
- Wohlforth W.* Honor as interest in Russian decisions for war, 1600–1995 // *Honor Among Nations: Intangible Interests and Foreign Policy* / Ed. by E. Abrams. – Washington, DC: Ethics and Public Policy Center, 1998. – P. 21–45.
- Wohlforth W.* The stability of a unipolar world // *International Security*. – 1999. – Vol. 24, N 1. – P. 5–41.

A. Krickovic*

How Can Russia Contribute to our Understanding of Change in World Politics?¹

Abstract. Twice over the last 25 years, the USSR and Russia's actions have been a major catalyst for change in international politics. Gorbachev and his fellow New Thinkers adopted unprecedented concessions that dismantled the Soviet Empire and brought an end to the Cold War. Contemporary Russian leaders are undertaking a risky challenge to US global leadership that signals an end to post-Cold War US dominance and the beginning of an era of unprecedented global disorder. Existing paradigms have had a difficult time accounting for Soviet/Russian behavior and integrating it into their larger theories about change in international politics. This is partly because they have ignored the important role that status considerations have played in Soviet and Russian decision making. But it also reflects larger shortcomings in the way that these paradigms approach the issue of change. What is needed is an evolutionary theory of change that is able to integrate driving historical (root) causes of change with proximate and contingent ones. In both of these cases, larger historical forces have pushed the international system towards change, limiting the choices available to Russian leaders.

* **Krickovic Andrej**, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: akrickovic@hse.ru

Advanced version of the article Krickovic A., Weber Y. What Can Russia Teach Us about Change? Status-Seeking as a Catalyst for Transformation in International Politics. *International Studies Review*. 2018, Vol. 20, Iss. 2, P. 292–300. DOI: <https://doi.org/10.1093/isr/viy024>. Translated by K.A. Toloknev (HSE, e-mail: cometa50@yandex.ru)

Yet it has been status considerations that have determined the actual policy choices Soviet and Russian leaders have made. While larger historical forces have been the root cause behind change, status aspirations and status dissatisfaction have been the proximate causes catalyzing change and moving it forward.

Keywords: status; international relationship; «New thinking»; cold war; changes in the international system.

For citation: Krickovic A. How Can Russia Contribute to our Understanding of Change in World Politics? *Political science (RU)*. 2019, N 3, P. 175–199. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.07>

References

- Bennett A. The Guns That Didn't Smoke: Ideas and the Soviet Non-Use of Force in 1989. *Journal of Cold War Studies*. 2005, Vol. 7, N 2, P. 81–109.
- Bernstein S. et al. God gave physics the easy problems: adapting social science to an unpredictable world. *European Journal of International Relations*. 2000, Vol. 6, N 1, P. 43–76.
- Bezrukov A., Sushentsov A. The outlines of a troubling future. *Russia in the Global World*. 2015. 24 August. (In Russ.)
- Bogaturov A. «Coercion to Partnership» and the Flaws of an Unbalanced World. *Russia in Global Affairs*. 2011, 29 December. Mode of access: <https://eng.globalaffairs.ru/number/Coercion-to-Partnership-and-the-Flaws-of-an-Unbalanced-World-15423> (accessed: 25.05.2019.)
- Brooks S.G., Wohlforth W.C. Power, Globalization, and the End of the Cold War: Reevaluating a Landmark Case for Ideas. *International Security*. 2000, Vol. 25, N 3, P. 5–53.
- Burrows M. *Global Trends 2030: Alternative Worlds*. Washington D.C.: US National Intelligence Council, 2012, 166 p.
- Buzan B. Brilliant but now wrong: a sociological and historical sociological assessment of Gilpin's «War and Change in World Politics». In: *Power, Order, and Change in World Politics*. Ed. by G.J. Ikenberry. Cambridge: Cambridge University Press, 2014, P. 233–262.
- Carr E.H. *The twenty years' crisis, 1919–1939: an introduction to the study of international relations*. L.: MacMillan, 1946, 247 p.
- Checkel J. Ideas, institutions, and the Gorbachev foreign policy revolution. *World Politics*. 1993, Vol. 45, N 02, P. 271–300.
- Checkel J.T. The constructive turn in international relations theory. *World politics*. 1998, Vol. 50, N 02, P. 324–348.
- Clunan A. *The Social Construction of Russia's Resurgence*. Baltimore: John Hopkins University Press, 2009, 317 p.
- Dafoe A., Renshon J., Huth P. Reputation and status as motives for war. *Annual Review of Political Science*. 2014, N 17, P. 371–393.
- Finnemore M., Sikkink K. Taking stock: The constructivist research program in international relations and comparative politics. *Annual review of political science*. 2001, Vol. 4, N 1, P. 391–416.

- Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. New York: Free Press, 1992, 464 p.
- Gaddis J.L. International relations theory and the end of the Cold War. *International Security*. 1992, Vol. 17, N 3, P. 5–58.
- Gilpin R. *War and Change in World Politics*. New York: Cambridge University Press, 1981, 288 p.
- Gould S.J. *Wonderful life: the Burgess Shale and the nature of history*. New York: WW Norton, 1989, 352 p.
- Grieco J.M. Liberal international theory and imagining the end of the Cold War. *The British Journal of Politics & International Relations*. 2009, Vol. 11, N 2, P. 192–204.
- Haas R.N. The age of nonpolarity: What will follow US dominance. *Foreign Affairs*. 2008, Vol. 87, N 3, P. 44–56.
- Herman R.G. Identity, Norms, and National Security: The Soviet Foreign Policy Revolution and the End of the Cold War. In: *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics*. Ed. by Peter J. Katzenstein. New York: Columbia University Press, 1996, P. 271–316.
- Herz M. *Brazil: Major Power in the Making? Major Powers and the Quest for Status in International Politics*. New York: Palgrave Macmillan US, 2011, 242 p.
- Holsti K. The Problem of Change in International Relations Theory. In: Holsti K. *A Pioneer in International Relations Theory*. New York: Springer International Publishing, 2016, P. 37–55.
- Ikenberry G.J. The illusion of geopolitics: The enduring power of the liberal order. *Foreign Affairs*. 2014, Vol. 93, N 80, Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2014-04-17/illusion-geopolitics> (accessed: 25.05.2019.)
- Karaganov S. Global Challenges and Russia's Foreign Policy. *Strategic Analysis*. 2016, Vol. 40, N 6, P. 461–473.
- Karaganov S. Venskii Koncert XXI Veka. A Vienna Concert for the 21 st Century. *Russian newspaper*. 2015, 3 June, Mode of access: <https://rg.ru/2015/06/03/karaganov.html> (accessed: 23.05.2019.) (In Russ.)
- Kokoshin A. *Soviet Strategic Thought, 1917–91*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1998, 225 p.
- Kortunov A. The Splendours and Miseries of Geopolitics. *Russia in Global Affairs*. 2016, 16 January. Mode of access: <https://eng.globalaffairs.ru/book/The-Splendours-and-Miseries-of-Geopolitics-17258> (accessed: 25.05.2019.)
- Krickovic A. When ties do not bind: the failure of institutional binding in NATO Russia relations. *Contemporary Security Policy*. 2016, Vol. 37, N 2, P. 175–199.
- Kubálková V., Cruickshank A.A. *Thinking New About Soviet «New Thinking»*. University of California Press: Berkeley, 1989, 143 p.
- Larson D.W., Shevchenko A. Shortcut to greatness: The new thinking and the revolution in Soviet foreign policy. *International Organization*. 2003, Vol. 57, N 01, P. 77–109.
- Lebow R.N. *A cultural theory of international relations*. L.: Cambridge University Press, 2008, 776 p.
- Lo B. *Russia and the New World Disorder*. Washington DC: Brookings, 2015, 336 p.
- Lukyanov F. The Reckless West. *RIA Novosti*. 2011, 21 July. (In Russ.)
- Major Powers and the Quest for Status in International Politics: Global and Regional Perspectives*. Ed. by T. Volgy, R. Corbetta, K.A. Grant, R.G. Baird. New York: Palgrave MacMillan, 2011, 242 p.

- Makarychev A., Morozov V. Is «Non-Western Theory» Possible? The Idea of Multipolarity and the Trap of Epistemological Relativism in Russian IR. *International Studies Review*. 2013, Vol. 15, N 3, P. 328–350.
- Mearsheimer J.J. Why the Ukraine crisis is the West's fault: the liberal delusions that provoked Putin. *Foreign Affairs*. 2014, Vol. 93, Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-08-18/why-ukraine-crisis-west-s-fault> (accessed: 25.05.2019.)
- Morgenthau H.J. *Politics Among Nations*. New York: Alfred A. Knopf, 1948, 489 p.
- Neumann I.B. Status Is Cultural: Durkheimian Poles and Weberian Russians Seek Great-Power Status. In: *Status in World Politics*. Ed. by T.V. Paul, D. Larson, W. Wohlforth. L.: Cambridge University Press, 2014, P. 85–114.
- Nikonov V. Back to the Concert. *Russia in Global Affairs*. 2002, 16 November, Mode of access: https://eng.globalaffairs.ru/number/n_12 (accessed: 25.05.2019.)
- Paul T.V., Shankar M. Status accommodation through institutional means: India's rise and the global order. *Status in World Politics*. 2014, P. 165–191.
- Pu X., Schweller R.L. Status signaling, multiple audiences, and China's blue-water naval ambition. *Status in world Politics*. Oxford: Cambridge University Press, 2014, P. 141–162.
- Renshon J. Status Deficits and War. *International Organization*. 2016, Vol. 70, N 3, P. 513–550.
- Rosenau J.N. Security in a turbulent world. *Current History*. 1995, N 94 (592), P. 193–200.
- Sarotte M.E. 1989: the struggle to create post-Cold War Europe. Princeton University Press, 2014, 344 p.
- Status in World Politics*. Ed. by T.V. Paul, D. Larson, W. Wohlforth. L.: Cambridge University Press, 2014, P. 85–114.
- Stoner K., Mcfaul M. Who Lost Russia (This Time)? Vladimir Putin. *The Washington Quarterly*, 2015, Vol. 38, N 2, P. 167–187.
- Suslov D. For a Good Long While. *Russia in Global Affairs*. 2014, 18 December, Mode of access: <https://eng.globalaffairs.ru/number/For-a-Good-Long-While-17211> (accessed: 25.05.2019.)
- Tsygankov A. *Russia's Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity*. Plymouth, UK: Rowman & Littlefield, 2016, 336 p.
- Tsygankov A.P. Vladimir Putin's last stand: the sources of Russia's Ukraine policy. *Post-Soviet Affairs*. 2015, Vol. 31, N 4, P. 279–303.
- Wendt A. *Social theory of international politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999, 429 p.
- Wohlforth W. Gilpinian realism and international relations. *International Relations*. 2011, Vol. 25, N 4, P. 499–511.
- Wohlforth W. Honor as interest in Russian decisions for war, 1600–1995. In: *Honor Among Nations: Intangible Interests and Foreign Policy*. Ed. by E. Abrams. Washington, DC: Ethics and Public Policy Center, 1998, P. 21–45.
- Wohlforth W. The stability of a unipolar world. *International Security*. 1999, Vol. 24, N 1, P. 5–41.